

ПРИГОВОР

29. 07.1987

Конкретные преступные действия подсудимых заключались в следующем [3].

Подготовка персонала станции по вине ее руководителей - директора Брюханова В.П. и главного инженера Фомина Н.М. не соответствовала требованиям «Руководящих указаний по работе с персоналом», утвержденным 16 апреля 1982 г. Минэнерго СССР. На станции не был создан учебно-методический совет по повышению квалификации ИТР и профессиональному обучению рабочих, который в соответствии с пунктом 1.6 «Руководящих указаний...» должен рассматривать многие важные вопросы, связанные с организацией и методикой обучения персонала: обобщать опыт работы по подготовке кадров, разрабатывать мероприятия по улучшению организации и повышению качества производственного обучения и теоретических занятий, а также решать другие вопросы подготовки и повышения квалификации рабочих и ИТР на производстве. Не был на станции создан УТЦ или учебно-тренировочный пункт. В нарушение пунктов 2.2.22 и 2.2.24 Руководящих указаний руководством АЭС не составлялся перечень рабочих мест для прохождения обучения, дублирования и самостоятельной работы лицам, которые впервые назначались на должности начальников смен цехов и энергоблоков и их заместителей. По распоряжению Брюханова люди сдавали экзамены недостаточно компетентным комиссиям, которые к тому же не возглавлялись руководителями АЭС. На станции не выполнялось также требование п.7.2 Руководящих указаний о контроле работников путем систематического обхода руководящими работниками АЭС рабочих мест (не реже одного раза в месяц) и оформлением результатов каждого обхода записью в соответствующем журнале. Брюханов, Фомин, Дятлов самоустранились от этой работы. Все это снижало ответственность работников АЭС за соблюдение трудовой и технологической дисциплины, привело к тому, что сменный персонал имел слабые и не закрепленные практическим опытом знания, вследствие чего часто допускал нарушения технологической дисциплины, приводившие к неоднократным авариям и остановкам блоков еще до 26 апреля 1986г.

Брюханов, Фомин, Лаушкин в нарушение требований «Инструкции по расследованию и учету аварий», утвержденной Минэнерго СССР 17 сентября 1975 г. и 1 сентября 1983 г., не обеспечили полного учета, тщательного и технически квалифицированного установления причин аварий и других грубых нарушений режима работы. Не всегда выявляли виновных в этом лиц; в отдельных случаях причины и даже сами факты нарушений скрывались.

Госатомэнергонадзор в актах-предписаниях неоднократно требовал от руководства станции устранения нарушений технологической дисциплины, норм и правил ядерной безопасности. В этих актах отмечались также низкая профессиональная подготовка оперативного персонала, однако, по вине подсудимых должные меры по устранению недостатков не принимались. Подсудимый Лаушкин, работая с 1982 г. государственным инспектором Госатомнадзора СССР (с 1985 г. ГАЭН СССР) на Чернобыльской АЭС, преступно халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей. Не осуществлял должный контроль за выполнением установленных норм и правил безопасной эксплуатации потенциально взрывоопасных ядерных энергетических установок. Проверки проводил поверхностно, на рабочих местах бывал редко, многие допускаемые персоналом нарушения не вскрывал; терпимо относился к низкой технологической дисциплине, пренебрежительному отношению со стороны персонала и руководства станции к соблюдению норм и правил ядерной безопасности. В результате такого отношения Лаушкина к своим служебным обязанностям, на АЭС создалась атмосфера бесконтрольности и безответственности, при которой грубые нарушения норм безопасности не вскрывались и не предупреждались. Только за период времени с 17 января по 2 февраля 1986 г. на четвертом энергоблоке ЧАЭС, без разрешения главного инженера, шесть раз выводились из работы автоматические защиты реактора, чем грубо были нарушены требования главы 3 Технологического регламента по эксплуатации блоков Чернобыльской АЭС. Подсудимый Лаушкин, как инспектор по ядерной безопасности, на эти нарушения не реагировал.

Безответственное отношение персонала, руководства станции и Лаушкина к обеспечению ядерной безопасности в сочетании с недостаточной профессиональной подготовкой оперативного состава, работающего на сложном энергетическом оборудовании, привели в конечном итоге к аварии 26 апреля 1986 года.

Не смотря на то, что на 4-м блоке станции не были проведены необходимые испытания турбогенераторов, 31 декабря 1983 г. Брюханов подписал акт о приемке в эксплуатацию пускового комплекса на блоке как полностью законченного. С целью доведения до рабочего состояния системы безопасности, в 1982-1985 годах по договору с организацией "Донтехэнерго" проводились испытания турбогенератора в режимах совместного выбега с нагрузкой собственных нужд, которые не были удачными и оставались незавершенными. Тем не менее, Фомин, Коваленко и Дятлов 30 октября 1985 г. приняли техническое решение и дали распоряжение о внедрении режима выбега на 4-ом энергоблоке в опытную эксплуатацию, не поставив в известность вышестоящие организации о предстоящих испытаниях при выводе энергоблока на очередной ремонт. В соответствии с графиком, 25 апреля 1986 г.

предусматривалось остановить 4-й блок на 40 суток для проведения планового ремонта. Перед остановом было намечено провести очередные испытания ТГ-8 в режиме совместного выбега с нагрузкой собственных нужд и ряд других испытаний. Рабочая программа испытаний была составлена бригадным инженером «Донтехэнерго» Метленко Г.П., не имевшим необходимых знаний и опыта эксплуатации атомных реакторов. Брюхановым, Фоминым, Дятловым и Коваленко эта программа надлежащим образом проработана не была, хотя содержала существенные отступления от технологического регламента. Несмотря на это Фомин, Дятлов и Коваленко ее подписали. В соответствии с этой программой в дальнейшем персонал проводил испытания, закончившиеся аварией 26 апреля 1986 г. Характер намечавшихся испытаний требовал, в соответствии с п. 19.4.1 «Инструкции по управлению реактором РБМК-1000», присутствия на них представителя отдела ядерной безопасности, однако это не предусматривалось, и обеспечено не было.

Программу испытаний надлежало согласовать с Научным руководителем, Главным конструктором, Главным проектантом, Госатомэнергонадзором и с заместителем главного инженера станции по науке, но и этого не было сделано.

Фомин, Дятлов, Коваленко не оговорили в программе испытаний остановку реактора в момент начала испытаний, что дало возможность оперативному персоналу вывести из работы аварийную защиту АЗ-5 по останову двух турбин, они не увязали между собой тепловую мощность реактора и электрическую мощность генератора; не регламентировали отвод из контура излишнего пара; не предусмотрели должных мер автоматической или ручной компенсации быстрых изменений реактивности в условиях эксперимента. В нарушение п.1.10 Регламента, без какого либо согласования и технического обоснования Фомин, Дятлов и Коваленко дали согласие смонтировать и подключить на блочном щите управления (БЩУ - 4) нештатный управляющий узел - так называемую "кнопку МПА", чем была изменена штатная схема, связанная с обеспечением ядерной безопасности на период проведения эксперимента и существенно снижена безопасность работы реакторной установки. Брюханов, Фомин, Лаушкин организацию работы по подготовке эксперимента не контролировали, на проводившихся испытаниях не присутствовали.

Ответственный за испытания Дятлов проведение эксперимента поручил малоопытному СИУРу Топтунову и начальнику смены блока Акимову. Начальник смены станции (НСС) Рогожкин контроля за проведением испытаний не осуществлял. Зная, что 26.04.86 на 4-м блоке будут проводиться испытания ТГ-8 в режимах выбега для обеспечения собственных нужд, Рогожкин в нарушение пунктов 5.3; 5.4; 5.8 должностной инструкции даже не ознакомившись с программой испытаний дал разрешение на ее проведение, несмотря на то, что в программе не были предусмотрены реальные меры по обеспечению ядерной безопасности; не проконтролировал готовность персонала к испытаниям; не осуществлял контроля за выполнением программы и технологического регламента во время ее проведения.

Неоднократные отсрочки намечаемых испытаний привели к спешке в работе персонала и проведению испытаний в ночное время. В 23ч.10 мин. 25 апреля 1986 г. персонал станции приступил к проведению испытаний и снижению тепловой мощности блока. 26 апреля в 00 часов 28 мин. в процессе уменьшения мощности реактора ниже установленного программой минимального уровня (700 МВт), при переходе от управления реактором системой локального регулирования мощности (ЛАР) к управлению системой АР, в результате ошибки оператора на несколько минут мощность снизилась до нуля. К 1 часу 06 мин. ее удалось поднять лишь до уровня 200 МВт, вместо 700 МВт по программе. При этом активная зона реактора не была обеспечена минимально необходимым запасом реактивности, в связи с чем значительно усложнилось управление реактором, была ослаблена его защита. В этом случае реактор надлежало заглушить, но персонал этого не сделал. Не был остановлен реактор, как это следовало сделать, и перед началом испытаний, а аварийная автоматическая защита была из-за ошибочных действий персонала заблокирована. В 1 час 23 мин.04 сек. были закрыты стопорные клапаны турбины и начаты испытания выбега турбогенератора с нагрузкой собственных нужд.

В связи с увеличением паросодержания в каналах, ростом реактивности, неустойчивым состоянием реактора, вибрацией трубопроводов и оборудования, оперативный персонал в 1 час 23 мин.40 сек. вручную ввел в действие аварийную защиту. В это время в реакторе увеличилась положительная реактивность, что привело к резкому разгону - повышению мощности реактора, разогреву топлива и тепловому взрыву. Взрыв разрушил активную зону реактора и его конструкции, возник пожар, ликвидация которого продолжалась свыше 2-х часов. При аварии и тушении пожара погибли старший оператор Ходемчук В.И. и наладчик Шашенок В.Д.

Помимо указанных выше нарушений регламента и других правил работы на ядерных энергетических установках, допущенных Брюхановым, Фоминым, Дятловым, Коваленко, Рогожкиным и Лаушкиным, подсудимый Дятлов, будучи руководителем проводившихся на станции испытаний, совершил ряд других нарушений, которые также как и вышеизложенные прямо повлияли на развитие аварийной обстановки и возникновение аварии. Как непосредственный руководитель испытаний, он обязан был ознакомить персонал, занятый на испытаниях, с рабочей программой испытаний и графиком работ, но должным образом этого не сделал и не определил конкретный порядок действий персонала. Испытания под его руководством проводились наспех, в присутствии ненужных работников предыдущих смен.

Дятлов технически не обосновал и не согласовал с заместителем главного инженера станции по науке отвод излишнего пара от реактора, подключение к реактору всех ГЦН. По его указанию в 14 часов 25 апреля 1986 г. была выведена из работы и позднее не восстановлена быстродействующая система аварийного охлаждения реактора, чем были грубо нарушены требования параграфа 30.5 ПТЭ, пункта 2.10.5 и главы 3 Регламента. Зная, что в первом часу ночи 26 апреля 1986 г. реакторная установка работала с недопустимо малым запасом реактивности (менее 26 стержней), в нарушение требований главы 9 Регламента Дятлов не принял мер к устранению этого нарушения. В 00 час.30 мин. того же дня, в присутствии Дятлова СИУР Топтунов по неопытности снизил мощность реакторной установки до нуля, в связи с чем произошло "отравление" реактора ксеноном, после чего по указанию Дятлова, действовавшего вопреки требованиям Регламента о немедленном в таком случае глушении реактора, начал подъем его мощности, не имея минимального запаса реактивности. Примерно через 10 минут, по указанию Дятлова было допущено еще одно грубое нарушение гл.3 Регламента - сменный персонал вывел из работы защиту АЗ - 5 по ряду параметров.

Вопреки п.2.1 программы испытаний Дятлов распорядился проводить их при работе реактора на мощности 200 МВт, вместо необходимых для безопасной работы 700 -1000 МВт.

По заключению судебно-технической экспертизы, указанные нарушения в их совокупности привели к интенсивному парообразованию в активной зоне реактора, созданию положительной реактивности и неконтролируемому разгону реактора на мгновенных нейтронах, а затем и к сильному тепловому взрыву на 4-ом энергоблоке станции.

Сознавая размер и характер аварии, возникшей 26 апреля 1986г. Рогожкин, будучи НСС, обязан был выполнить, но фактически не выполнил требований п. 3.2.3 Плана мероприятий по защите персонала станции и населения прилегающей к ней зоны - не ввел в действие систему оповещения об аварии. В нарушение параграфов 8.11; 49.16; 49.18 ПТЭ, Рогожкин не руководил работами по ликвидации аварии, не координировал действия сменного персонала и специальных служб, в результате чего работники пожарной охраны, не зная об интенсивности радиации и не приняв мер защиты от нее, приступили к ликвидации очагов пожара в непосредственной близости от разрушенного реактора. Пожарные Правик, Кибенок, Тишура, Игнатенко, Вашук, Титенок получили большие дозы облучения и впоследствии скончались от острой лучевой болезни. По вине Рогожкина сменный персонал станции своевременно не был выведен в безопасную зону, вследствие чего многие работники получили большие дозы радиационного облучения. Прибывший на станцию около двух часов ночи Брюханов, достоверно зная о значительном уровне радиации на территории станции, как директор АЭС, не установил режим поведения на АЭС, не ввел в действие план мероприятий по защите персонала и населения.

В 8 часов утра 26 апреля 1986 г., не смотря на тяжелую радиационную обстановку, с ведома Брюханова на станцию была допущена новая смена обслуживающего персонала в полном составе, хотя в этом не было необходимости. Узнав о том, что на станции в некоторых местах уровень радиации превышает 200 р/час., Брюханов из личной заинтересованности (с целью создания видимости благополучия в создавшейся обстановке), умышленно скрыл этот факт; злоупотребляя своим служебным положением представил в вышестоящие компетентные органы данные с заведомо заниженным уровнем радиации. Не обеспечение Брюхановым широкой и правдивой информации о характере аварии приводило к поражению персонала станции и населения прилегающей к ней местности. Кроме погибших Ходемчука и Шашенка, большие дозы облучения получили еще 28 человек, в мае - июне 1986 года они умерли от острой лучевой болезни. Вместе с тем значительному числу людей, подвергшихся облучению, причинены различной тяжести телесные повреждения. Подсудимые Брюханов, Фомин и Дятлов в судебном заседании в предъявленных им обвинениях признали себя виновными частично; Рогожкин, Коваленко и Лаушкин виновными себя не признали.

Основными причинами приведшими к аварии явились грубые нарушения правил, установленных для обеспечения ядерной безопасности на потенциально взрывоопасном предприятии - атомной электростанции, которые были допущены работниками Чернобыльской АЭС - директором Брюхановым В.П., главным инженером Фоминым Н.М., зам. главного инженера по эксплуатации второй очереди Дятловым А. С., начальником реакторного цеха Коваленко А.И., начальником смены станции Рогожкиным Б.В. и др.

Преступно халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей Государственный инспектор ГАЭН на Чернобыльской АЭС Лаушкин Ю. А., который не осуществлял должного контроля за выполнением персоналом норм и правил ядерной безопасности и не предпринимал необходимых мер, направленных на предупреждение и пресечение таких нарушений на ЧАЭС.

Судебно-технической экспертизой установлено, что ядерные реакторы и реакторные установки РБМК-1000 в случаях нарушения норм и правил, регламентирующих их эксплуатацию, становятся потенциально взрывоопасными.

Судебная коллегия находит, что информация ведущих специалистов физиков, выводы Правительственной комиссии и судебно-технических экспертов о причинах аварии совпадают и их научная обоснованность и правильность сомнений не вызывают.

Вина подсудимых Брюханова, Фомина, Дятлова, Рогожкина и Коваленко в нарушении правил, установленных для обеспечения безопасности на потенциально взрывоопасном предприятии - атомной

электростанции, повлекших человеческие жертвы и иные тяжкие последствия, подтверждается, кроме того, приобщенными к делу письменными доказательствами, а также показаниями свидетелей и потерпевших.

Тот факт, что 25-26 апреля 1986 года реактор четвертого энергоблока эксплуатировался с оперативным запасом реактивности менее 26 стержней, подтверждается исследованными в судебном заседании записями в журналах начальника смены и СИУРа блока № 4, а также фотокопией распечатки системы централизованного контроля "Скала", согласно которой на 1 час 22 мин. 30 сек. 26 апреля 1986 года запас реактивности составлял 6-8 стержней. По записи другого прибора - самописца СФКРЭ - в 00 час.28 мин. 26 апреля 1986 г. мощность реактора упала до нуля, а затем поднялась до 180-200 МВт. Это было сделано в нарушение п. 6.2 Регламента, без прохождения йодной ямы, при отсутствии минимально необходимого запаса реактивности.

О нарушениях Дятловым, Рогожкиным и сменным персоналом требований Регламента при проведении испытаний на 4-ом энергоблоке свидетельствуют записи в оперативном журнале СИУРа, а также его письменное объяснение о том, что после принятия смены он, получив указание о снижении мощности реактора, не справился с управлением и провалил его мощность. Потом ее удалось поднять до 200 МВт, и именно при этой мощности начались испытания. Записью Акимова подтверждается вывод из работы автоматической защиты АЗ-5.

Подсудимый Дятлов на следствии и суде утверждал, что основной причиной аварии явилось несовершенство конструкции реактора РБМК-1000 и систем его защиты. Это утверждение опровергается не только выводами судебно-технической экспертизы, Правительственной комиссии и доказательствами изложенными выше, но и другими данными. Так, свидетели Крят и Карпан показали, что за время их работы на реакторах РБМК-1000 Чернобыльской АЭС они, как специалисты по ядерной безопасности, ни разу не наблюдали каких-либо отклонений в работе реакторов и защиты АЗ-5.

Соблюдение требований технологического Регламента полностью обеспечивает безопасную работу реакторных установок. Аналогичные показания по данному вопросу дали также свидетели - ведущие специалисты Полушкин и Гаврилов.

Как установлено по делу, реакторные установки с реакторами РБМК-1000 имеют некоторое несовершенство конструкции, уголовное дело в отношении лиц не принявших своевременных мер к совершенствованию их конструкции, органами следствия выделено в отдельное производство.

На основании изложенного Судебная коллегия находит, что подсудимые Брюханов, Фомин, Дятлов, Рогожкин, Коваленко виновны в нарушении производственно-технической дисциплины и правил обеспечивающих безопасность производства на потенциально взрывоопасном предприятии, повлекшим человеческие жертвы и иные тяжкие последствия, т.е. в совершении преступления предусмотренного ст. 220 частью второй УК УССР, а Лаушкин - в ненадлежащем выполнении своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного к ним отношения, что повлекло причинение существенного вреда государственным интересам и охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан, т. е. в совершении преступления, предусмотренного статьей 167 УК УССР.

Вина Брюханова в злоупотреблении служебным положением, Рогожкина - в преступной халатности подтверждаются следственными доказательствами - (признание Брюханова о не введении в действие плана и свидетельские показания).

Зная о фактическом состоянии радиационной обстановки, Брюханов, из личной заинтересованности, с целью создания видимости благополучия после аварии на станции и ее окрестности, злоупотребляя своим служебным положением представил в Киевский областной комитет КП Украины и другие компетентные органы информацию с заведомо ложными, заниженными сведениями об уровне радиации, а именно указал в ней, что максимальные уровни радиации на станции установлены до 1000 мкр/сек (3,6 рентген/час), а в Припяти от 2 до 4 мкр/сек.

То обстоятельство, что по вине Брюханова и Рогожкина не были своевременно приняты меры по защите и эвакуации персонала станции и населения прилегающей к ней зоны, подтверждается также заключением технической экспертизы, проведенной по вопросам гражданской обороны.

Судебная коллегия рассматривает эти последствия как тяжкие.

На основании изложенного суд находит, что подсудимый Брюханов виновен также в злоупотреблении служебным положением, повлекшим тяжкие последствия, т.е. в совершении преступления предусмотренного ст. 165 ч.2. УК УССР, а Рогожкин в ненадлежащем выполнении своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного к ним отношения, что повлекло причинение существенного вреда государственным интересам и охраняемым законом правам и интересам граждан, т.е. в совершении преступления предусмотренного ст. 167 УК УССР.

При назначении наказания подсудимым Судебная коллегия руководствовалась ст. 39 УК УССР и учитывала, что в результате допущенных Брюхановым, Фоминим, Дятловым, Рогожкиным, Коваленко нарушений производственно - технологической дисциплины и правил ядерной безопасности наступили последствия, которые справедливо именуется катастрофическими.

Признать виновными Брюханова в совершении преступления, предусмотренного частью 2 ст. 220 и ч.2 ст. 165 УК УССР. Фомина, Дятлова, Коваленко в совершении преступления предусмотренного ч.2 ст. 220 УК УССР, Рогожкина в совершении преступления предусмотренного ч.2 ст. 220 и ст. 167 УК УССР, Лаушкина в совершении преступления предусмотренного ст. 167 УК УССР.

(Обвинительное заключение утвердил заместитель Генерального прокурора СССР Сорока О.В.)